

ТЕАТР Встреча с молодостью

Спектакль «Город на заре»

Встреча с героями Арбузова — всегда встреча с молодостью. Для зрителя, который знакомится с арбузовской драматургией на сцене молодежных театров, — это вдвойне встреча с юностью. Кто, как не актерская молодежь, может так пылко и страстно донести до зрителей излюбленную тему этого автора — трудные пути становления характера молодого человека, нашего современника? И кто, как не молодые артисты, способны так чутко и взволнованно реагировать на судьбы своих сверстников, проходящие перед нами в постановках пьес Арбузова!

Достаточно побывать в Театре имени Ленинского комсомола на лавом спектакле «Город на заре», чтобы убедиться, как тепло встречают зрители пьесу, посвященную теме творческого труда, величия и романтики трудового подвига. Спектакль, талантливо и темпераментно поставленный режиссером Р. Суло-вичем, интересно оформлен В. Гур-вичем и с настоящей искренностью и волеванием сыгран артистами театра.

«Город на заре», написанный Арбузовым в начале 40-х годов и творческим содружеством с коллективом Московской театральной студии, — это не только полный пафоса рассказ о героических строителях Комсомольска-на-Амуре. В нем есть раздумья и ответы на многие сложные вопросы, возникающие в пылкую и жадную к познанию пору юности. Именно эти раздумья определили необычную форму пьесы, написанной в жанре романтической хроники, с авторскими отступлениями и прямыми обращениями к

зрителям, с интермедиями, с хором строителей. Она поставлена и оформлена средствами не совсем привычными, кое-где открыто условными.

В спектакле, где почти все действие происходит в глухой тайге, на берегах Амура, нет обычного рисованного задника с изображением леса и реки. Однако, смотря на артистов, сгрудившихся на условной конструкции, изображающей утес, мы будто видим сплошную стену темного леса, ощущаем суровое безлюдье, окружившее молодых энтузиастов... Нам становятся понятными и близкими все чувства, переполюсшие в этот момент героев, — горячее желание скорее начать трудовую жизнь, вера в прекрасное будущее, которое они приехали строить своими руками, смутный страх, такой естественный в суровой, незнакомой обстановке, тоска по оставленному дому, особенно острая в ту минуту, когда слышится слабый гулوك удаляющегося парохода... Будто из единой груди, как прощание со своим недавним прошлым и приветствие огромному и неведомому будущему, вырываются тихие слова старой комсомольской песни.

Несмотря на откровенную условность некоторых выразительных приемов и отсутствие театральных иллюзий, мы ни на минуту не сомневаемся в том, что на сцене идет жизнь, меняются времена года, мужают и взрослеют люди, ибо все моменты сценического действия наполнены глубоким жизненным содержанием, большой правдой в раскрытии судеб и характеров человеческих, — тем, что было, есть и бу-

дет настоящим и главным волшебством театра.

Артисты так же, как режиссер и художник, отлично почувствовали особенности характеров, созданных драматургом. Как и в пьесе, в этом умном и ярком спектакле люди ошибающиеся не раскаиваются мгновенно, а трусы и преступники не перековываются по велению режиссера.

Как трудно вначале различить в возбужденной толпе, одинаково дружно поющей «Интернационал», с одинаковым азартом подбрасывающей шапки в воздух, людей слабых, безынициативных, трусов, карьеристов и будущих аравгов.

Безгранично доверие коллектива к партийному руководителю стройки Аграновскому. Лишь постепенно разбираются комсомольцы в той сложной смеси бесконечного честолюбия, холодного безразличия к людям и незаурядного таланта организатора, которые составляют основу образа, созданного А. Рахле-жо. В его сухой тренированной фигуре, затянутой в полувоенный костюм, в резко очерченном лице с холодными глазами, в упругой походке будто сосредоточен заряд сильной, но разрушительной энергии. С жесткой уверенностью фанатика устраняет он всех, кто, по его убеждению, является балластом для дела. Но само дело, которому молодежь бескорыстно отдает все силы души, является для него лишь трамплином для новой блестящей карьеры.

Общественную опасность характера Аграновского, закономерно приводящего к претуплению, первой инстинктивно рабгадуывает молоденькая Оксана, которую искренне, свежо играет Т. Доронина.

Интересен в пьесе образ Алепуши-кина в исполнении А. Климовича. Кулацкий сын, затаивший до поры до времени мстительную злобу, он не может побороть в себе удивленного преклонения перед мужеством людей, которые в нечеловечески трудных условиях не теряют воли, присутствия духа. Поэтому моменты в глазах его, вместо обычного настороженного прищуря, появляются что-то похожее на тоскливое раздумье.

С подлинным волнением, с горя-

чим сочувствием следим мы за формированием характеров, за внутренним ростом героев. Мы сочувствуем жейственной, энергичной Леле Кор-невой (артистка Н. Ургант). С интересом и уважением наблюдаем мы, как меняется внешний и внутренний облик деревенского паренька Вани Жмелькова, с юмором сыгранного Г. Салаяниным. Хочется только предостеречь способного артиста от некоторого увлечения деревенским колоритом, который у Арбузова является лишь дополнительной краской для характеристики образа.

Но, может быть, самой большой любовью зрителей окружен образ неугомонного фантазера, одаренного и талантливого «мечтателя» из Саранска — Зяблика в исполнении В. Татосова. Роль Зяблика — одна из лучших работ этого артиста и яркое свидетельство того, что до сих пор дарование Татосова использовалось в театре не полностью. Легкий, подвижный, обутый в какое-то подобие ботинок, из которых торчат засунутые для тепла гаветы, чем-то напоминающий неугомонную пичугу, он живет мечтами, планами, фантазиями. Но эти мечты, романтические, наивные, не уводят Зяблика от жизни и людей, а, наоборот, приближают к ним. В тяжелых условиях стройки замерзший, усталый юноша вслух мечтает о будущем городе, который грезится ему, как город человеческого счастья и радости.

В спектакле живет подлинная героика, раскрываемая зачастую скупыми, сдержанными средствами. Большое впечатление производит эпизод, когда строители разыскивают оставшихся на затопленном острове Наташу (М. Малькина) и Алтыман (В. Поболь). На огромной сцене нет ничего, кроме небольшого деревянного мостика, протянутого в глубине от одной кулисы к другой. Но тревожная игра тени и света, отбрасываемого фонарями, которые держат в руках пробегавшие люди, гулкие удары колокола, отрывистые фразы, на ходу произносимые актерами, — все это убедительно передает атмосферу боевого аврала, тревоги, которой охвачен весь лагерь. И, наконец, когда после взрыва наступает глубокая тишина, когда вся толпа, склонившаяся над поручьями моста,

молча вглядывается в темноту, верится, будто перед артистами разбушевавшая стихия.

В следующие секунды действия эта тишина разрывается безостановочной барабанной дробью, и в темноты медленно выходит шеренга строителей, неся алые полотнища знамен. Медленно надвигается хор на просцениум, где лежит вынесенный на руках, как солдат с поля битвы, умирающий Зяблик. Молча стоят подле него товарищи — Оксана, Жмельков, Белоус... Будто не веря себе, смотрит на Зяблика Оксана, и на ее полудетском лице видно выражение даже не горя, а какого-то недоумения... Мрачно стоит, ожив кулаки, Костя Белоус — в недоумении Г. Гая внешне грубоватый, иногда ворчливый, но в действительности бесконечно доброжелательный и оправдливый. Медленно приближаясь, люди склоняют знамена над телом первого мечтателя Комсомольска, создавая карты будущего города.

Настоящим трагическим накалом дышит эта сцена, говорящая зрителям о трудностях, с которыми боролись и которые побеждали строители города, о жертвах, принесенных во имя будущего счастья. В этой сцене, как и в некоторых других, хор — не только большая группа строителей, людей разных профессий и судеб. Он является как бы голосом самого народа: он сочувствует одним героям и одобряет их, сурово осуждает других, жалует и иронизирует. Хор — один из самых активных участников действия, со сдержанным пафосом раскрывающий главную идею произведения.

Жизнь победит — говорит весь обранный строй спектакля. Особенно сильно звучит эта мысль в заключительной картине, когда парни и девушки как бы подхватив переданную Зябликом эстафету, говорят о будущем... Жизнь и героический подвиг людей, показанных в спектакле, вызывают в памяти слова стихотворения Маяковского: «Я знаю — город будет. Я знаю — саду повесть, когда такие люди в стране советской есты».

Е. СТРОНСКАЯ

На снимке: сцена из спектакля. Фото Г. Чертова

Вечерний Ленинград
2. X. 54.